

А.Н. Гур
(Минск, Беларусь)

КОНЦЕПЦИЯ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ ДРЕВНОСТИ ВО «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ» ПОЛИБИЯ

В работе рассматривается одна из политических концепций Полибия. Особое внимание уделяется перечню мировых держав древности, критериям их отбора и определению места этих государств во «Всеобщей истории». Отмечается влияние философских убеждений стоической школы на точку зрения Полибия.

Полибий, как и многие другие авторы античности, в своей работе уделяет должное внимание определенным теоретическим конструктам и построениям. Одной из таких конструкций является теория непрерывной смены великих государств древности. Во «Всеобщей истории» Полибия эта концепция фигурирует в тесной связи с идеей смещения различных форм политического устройства как залога процветания и долгого существования государства, претендующего на право называться великим.

В русскоязычной историографии такая концепция известна как «четыре плюс одна», по количеству рассматриваемых государств. Большинство античных авторов (Дионисий Галликарнасский, Гай Веллей Патеркул, Павел Орозий и др.) включали в этот перечень Ассирию, Мидию, империю Ахеменидов, Македонское царство и Римскую республику [2, с. 278].

Перечень великих держав Полибия имеет некоторые отличия. Уже в предисловии своей работы он отмечает: «Так, некогда велики были владения и могущество персов; но всякий раз, когда персы дерзали переступить пределы Азии, они подвергали опасности не только свое владычество, но и самое существование. Лакедемоняне долгое время боролись за главенство над эллинами; но по достижении его удерживали неоспоримо власть за собою едва в течение двенадцати лет. Владычество македонян в Европе обнимало пространство от побережья Адриатики до реки Истра, что составляет весьма небольшую долю этой страны; впоследствии, сокрушив мощь персов, они приобрели и власть над Азией... Между тем римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо части его и подняли свое могущество на такую высоту, какая немислима была для предков и не будет превзойдена потомками» [4, с. 17–18].

Этот фрагмент, где автор обращается к перечислению великих держав прошлого, не является единственным. В рассказе о гибели Карфагена упоминается следующее: «Илион, славный некогда город, царства ассирийское, мидийское и еще более могущественное персидское, наконец, так недавно и ярко блиставшее македонское царство» [5, с. 449]. Несложно заметить, что этот перечень отличается от предыдущего присутствием в нем Илиона, Ассирии, Мидии и отсутствием Спарты. Это противоречие нуждается в объяснении. Соответствующий фрагмент относится к изложению Аппиана Александрийского, которое, как принято считать, построено на тексте «Всеобщей истории» Полибия. Мнение о полибиевом авторстве соответствующего фрагмента разделяется далеко не всеми. Ф. Уолбэнк, один из крупнейших исследователей Полибия, полагал, что Аппиан заимствовал материал Полибия не напрямую, а через какой-то другой источник. Соответственно, перечень великих держав во втором фрагменте, поскольку он вступает в противоречие с первым, здесь не может быть признан аутентичным [8, р. 725].

Таким образом, можно утверждать, что изначально к великим державам Полибий относил Персидскую империю, Спарту, Македонию и Римское государство. Из этого следует, что концепция в виде «четыре плюс одна» представлена у автора «Всеобщей истории» в слегка усеченном виде [2, с. 278–279].

Место «персидской» тематики в труде Полибия едва ли можно охарактеризовать даже как второстепенное. Историк не ставил перед собой цели раскрывать становление и рост могущества державы Ахеменидов. Тем не менее, персы и их государство фигурируют во «Всеобщей истории» в двух случаях:

- 1) при обращении Полибия к делам давно минувших дней и сравнении их с событиями настоящего ему времени (I. 63; II. 2; III. 6; X. 28);
- 2) при рассмотрении (чаще всего – беспощадной критике) сочинений предшественников ему авторов, для которых взаимоотношения персов и эллинов были чрезвычайно важной темой (XII. 8, 20; XIX. 21; XVIII. 21).

Из этих фрагментарных упоминаний явствует, что Полибий, упоминая о былом могуществе персов, выстраивает их образ перед читателем в крайне негативном свете, делая акцент не на построении великой державы, а на тирании персов и их бесчинствах в Элладе.

Куда большее внимание Полибий уделяет Спарте. Можно задаться вопросом: почему это скромное по размеру государство, охватывавшее собой лишь часть Пелопоннеса, автор «Всеобщей истории» включил в свою формулу «четыре плюс одна»?

Дело в том, что по отношению к Спарте Полибий применил совершенно другие критерии выделения этого государства в перечень сильнейших держав древности. Первостепенным здесь стал не территориальный охват, а государственный строй Лакедемона. Это Полибий и превозносит в Спарте. Именно создатель ее политического устройства – законодатель Ликург – впервые в истории пришел к решению соединить все три формы государственного устройства, и тем самым добился совершенства политического строя Лакедемона, который так восхищал Полибия [9, р. 279].

Полибий заявляет следующее: «...несомненно совершеннейшей государственной формой надлежит признавать такую, в которой соединяются особенности всех форм, поименованных выше [монархия, аристократия, демократия. – А.Г.]. Подтверждается это не соображениями только, но и самым опытом, ибо Ликург первый построил государство лакедемонян именно по такому способу» [4, с. 443].

Осуществляя переход от общего к частному, Полибий останавливается на конкретных преимуществах законодательства Ликурга перед другими. Первой из них эллинистический автор называет закон о земельной собственности, по которому все граждане Спарты должны распоряжаться одинаковыми по своему размеру наделами государственной земли [4, с. 479]. Было ли это так на самом деле – Полибий не указывает, как и другие авторы древности. А потому вопрос о равенстве земельных наделов в Спарте – проблема в историографии крайне дискуссионная [3, с. 360].

Другим важным элементом для Полибия являлся спартанский закон о денежном имуществе. Автор «Всеобщей истории» поясняет свою точку зрения следующим образом: «...оно [денежное имущество – А.Г.] не имеет у лакедемонян никакого значения, государство совершенно избавлено от раздоров из-за разницы состояний» [4, с. 479]. Судя по всему, в этом случае Полибий подразумевает стремление спартанцев к умеренности, пренебрежительному отношению к богатству и наживе, которое определялось борьбой с роскошным образом жизни, финалом чего стал государственный запрет на использование в Лакедемонии золотых и серебряных монет [1, с. 375].

Наконец, Полибий выделяет третью особенность законодательства Ликурга: «цари лакедемонян имеют непрерывающуюся власть, а так называемые старейшины пожизненную; ими-то и при их участии ведаются все дела государственного управления» [4, с. 479–480]. Царская власть в данном случае отождествляется с монархической формой государственного устройства, а спартанские старейшины – с аристократией.

Но, если Полибий считал спартанское политическое устройство совершенным, почему же Лакедемон не распространил свое влияние на окружающие страны? В ответе на этот вопрос и кроется главная черта недальновидности законов Ликурга, не позволивших стать Спарте полноценным мировым государством. При всех своих преимуществах эти законы не были предназначены для того, что иметь действенное влияние где-то за пределами Лакедемона [6, с. 76–77]. По этому поводу автор «Всеобщей истории» говорит следующее: «Но с тех пор, как они [спартанцы. – А.Г.] начали посылать свой флот в море или ходить с сухопутными войсками за пределы Пеллопоннеса, стало ясно, что ни железных денег, ни сбыта ежегодного сбора плодов недостаточно для удовлетворения всех нужд» [4, с. 483].

Несмотря на все преимущества государственного устройства Спарты, ее, как и любое другое государство, не могло обойти стороной неминуемое вырождение политических институтов. Общеизвестно, что Полибий находился под сильным влиянием учения стоицизма о схожести государства с природным организмом, переживающем циклы рождения, расцвета, дряхления и гибели [7, с. 162]. Поэтому для автора «Всеобщей истории» было важно показать, что даже такое совершенное государственное устройство спартанцев, какое существовало во времена Ликурга, постигла полная деградация: «...судьба отвернулась от них, и государство их все больше и больше приходило в упадок. Под конец дошло до того, что они терпели почти постоянные войны и междоусобные распри, удручаемы были весьма частыми переделами имущества и изгнаниями, вкусили ненавистнейшего рабства и даже тиранию Набиса, те самые лакедемоняне, для которых раньше невыносимо было имя тирании» [4, с. 341].

Македония занимает неоднозначное место в полибиевой концепции непрерывной смены великих держав. Несомненно, для автора «Всеобщей истории» личность Александра Македонского была по-настоящему героической, историк не раз прославлял его заслуги перед всем миром: «Напротив, в наше время, когда все почти части Азии сделались доступными с моря и с суши, одни благодаря владычеству Александра, другие завоеваниям римлян...» [4, с. 215].

Признает Полибий и могущество огромной державы, построенной Александром. Вместе с тем, историк подчеркивает, что Македония лишь приблизилась к мировому господству, но завершить этот процесс ее правителям не удалось, так как: «Владычество македонян в Европе обнимало пространство от побережья Адриатики до реки Истра, что составляет весьма небольшую долю этой страны... Как, по-видимому, ни далеко простиралась их власть, и как ни была она обширна, все же македоняне не коснулись большей части известного тогда мира. Ибо они и не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о наиболее воинственных народах Западной Европы, собственно говоря, не имели и понятия» [4, с. 17–18].

Вместе с распадом империи Александра, пала и та Македония, которую Полибий признавал одной из могущественных держав древности. Современное же историку Македонское царство, Филиппа V и его преемников Полибий выставляет в крайне негативном свете, недостойном сравнения с державой Александра: «Всю

свою жизнь он [Филипп V. – А.Г.] с особенным старанием выставлял на вид родство свое с Александром, сыном Филиппа, и вовсе не подумал о том, чтобы соревноваться с ними в добродетели. Так как поведение Филиппа было противоположно поведению предшественников его, то и слава, которую с возрастом он стяжал себе у всех людей, была совершенно иная» [4, с. 358].

Это происходило не только потому, что автор «Всеобщей истории» видел тех бездарными правителями и полководцами. Главная причина же заключалась в том, что к этому времени возникло уже новое государство – Римская республика, которому Полибий отводил роль первостепенной. И потому, медленно протекающее ослабление Македонии было для Полибия обратной стороной возвышения и укрепления Рима [9, р. 92].

Полибий был уверен, что Римская республика занимает особенное положение среди прочих государств, господствующих в прошлом, и о которых автор уже упоминал, так как только римляне сумели приблизиться к охвату всей ойкумены. Поэтому для Полибия было чрезвычайно важно уяснить, почему именно Римское государство стало по-настоящему мировой державой. К этому сводится вся цель написания «Всеобщей истории» [4, с. 166].

Подводя итоги, следует отметить, что концепция мировых держав древности у Полибия занимает далеко не последнее место, хоть и отмечается некоторой противоречивостью. Во «Всеобщей истории» эта концепция имеет свои отличительные черты, что делает ее уникальной в сравнении с другими аналогичными мнениями, представленными в исторических сочинениях прочих античных авторов. Одна из причин этому – философские убеждения Полибия, которым он подчинил свои критерии для вынесения одних стран в перечень великих, и игнорирования других.

Список литературы

1. Кочеров, С.Н. Хилон как нравственный законодатель Спарты / С.Н. Кочеров // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция / редкол.: И.В. Берестов [и др.]. – Новосибирск : Аквилон, 2017. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 372–381.

2. Махлаюк, А.В. Рим в концепции мировых держав древности: пространство и время империи / А.В. Махлаюк // ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова ; под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка и А.А. Синицына. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 276–285.

3. Печатнова, Л.Г. История Спарты (период архаики и классики) / Л.Г. Печатнова. – СПб. : Гуманитарная Академия, 2001. – 518 с.

4. Полибий. Всеобщая история : в 2 т. / Полибий ; пер. с древнегреч. Ф. Мищенко; под ред. А. Лактионовой. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 1. Кн. I – X. – 765 с.

5. Полибий. Всеобщая история : в 2 т. / Полибий ; пер. с древнегреч. Ф. Мищенко; под ред. А. Лактионовой – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 2. Кн. XI–XXXIX. – 765 с.

6. Тыжов, А.Я. Черты политической теории Полибия / А.Я. Тыжов // Античное общество. Проблемы политической истории : сборник статей / под ред. Э.Д. Фролова. – СПб. : Изд. СПб ун-та, 1997. – С. 71–84.

7. Степанова, А.С. Полибий и стоики (К вопросу о некоторых концептуально-терминологических параллелях) / А.С. Степанова // Вестник древней истории. – 2005. – № 4. – С. 158–173.

8. Walbank, F.W. A Historical Commentary on Polybius: in 3 vol. / F.W. Walbank. – Oxford : Clarendon press, 1979. – Vol. 3 : Commentary on Books XIX–XL. – 834 p.

9. Walbank, F.W. Polybius, Rome and the Hellenistic World / F.W. Walbank. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 353 p.